
Игорь Кочетков
Перекресток
18+

Игсухорн

Игорь Кочетков

Перекресток

«Автор»
2026

Кочетков И.

Перекресток / И. Кочетков — «Автор», 2026 — (Игсухорн)

Галактика поделена на сферы влияния пяти рас. Формально есть границы, реально — их нет. Нейтральная станция «Перекрёсток» становится местом встречи всех: Лоу торгуют с людьми, Харо тайно посещают человеческие миры, Рузы фиксируют всё подряд. Но однажды на станции совершено убийство, которое грозит спровоцировать большую войну. Человеческий детектив и Руз-наблюдатель должны найти истину раньше, чем она утонет в крови.

© Кочетков И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Прибытие 7
Глава 2. Утренняя сделка, вечерняя резня 8
Глава 3. Руз-исследователь игнорирует трупы 12
Глава 4. Под маской 17
Глава 5. Клис жрёт дипломатов 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Перекресток

Пролог

Станция «Перекрёсток» висела в пустоте уже девяносто семь лет — с того дня, как последние беженцы Исхода поняли, что бежать больше некуда. Её строили не архитекторы, а прагматики: трубы, перекрытия, гермошлюзы — всё здесь подчинялось единственной логике: выжить и не дать соседу перерезать тебе горло в ближайшие пять минут. Поэтому «Перекрёсток» не красив. Он функционален, как топор, и так же элегантен. Коридоры пахнут озоном, пережаренной проводкой и чужим потом, а на третьем уровне до сих пор не заменили сгоревшую неоновую вывеску, и она мерцает, как агонизирующий светляк: «Добро пожаловать. Оружие сдавайте. Нервы — оставляйте при себе».

Здесь, в этом ржавом месиве металла и отчаяния, сходятся пять рас.

Люди прилетают за прибылью — у них нет ничего, кроме амбиций и короткой жизни. Лоу — за металлом, которого вечно не хватает; они давно забыли, кем были, и помнят только, кем стали. Харо появляются редко и всегда под масками — им не нужны ресурсы, им нужны генетические образцы, чтобы продолжать собственное совершенство. Клисы не приходят — они возникают: бесшумно, из темноты грузовых отсеков, и никто никогда не понимает, зачем им здесь что-то нужно. Возможно, они просто ищут еду. Возможно, выбирают. А Рузы — те всегда здесь. Их сферы висят под потолком главного зала, как безмолвные люстры, записывая, фиксируя, анализируя. Они не торгуют, не угрожают, не дружат. Они наблюдают. И это наблюдение стоит дороже любой сделки, потому что однажды, когда кровь зальёт пол, именно Рузы скажут: «Это случилось вот так. Мы всё видели. И нам было всё равно».

На «Перекрёстке» заключено сто сорок три перемирия. Сорок два были нарушены до того, как высохли чернила на подписях. Остальные сто один держатся на взаимном недоверии, страхе и удивительной способности разумных существ ненавидеть друг друга чуть меньше, чем голодать. Галактика поделена на сферы влияния, но границы на картах рисуют пунктиром, и никто не верит, что они продержатся дольше завтрашнего утра.

Особенно сейчас.

Потому что где-то в отсеке 7, в луже собственной крови, лежит человек, который не должен был умереть. Пока никто этого не знает. Только Руз Семь-Три уже зафиксировал странную тепловую сигнатуру, только старый детектив ещё не догадывается, что его самое большое расследование только начинается, и только бармен Гвоздь привычно протирает стаканы, чувствуя, как запах страха сгущается быстрее, чем озон в вентиляции.

Станция не выбирает сторону. Она просто ждёт.

А ждать здесь умеют.

Глава 1. Прибытие

Корабль «Тихая звезда» вышел из прыжка в шести часах лёта от станции, и Майкл Чен сразу понял, что совершил ошибку. Не ту, за которую стреляют, — ту, после которой долго пьёшь в одиночестве, глядя на пустой экран коммуникатора.

Он согласился прилететь на «Перекрёсток» по старой дружбе. Соларис, глава администрации, прислала личное сообщение: «Нужен детектив. Не наш — со стороны. Который не боится копать». Чен тогда усмехнулся. Он не боялся копать. Он боялся, что выкопанное окажется очередным трупом без имени, без расы, без смысла.

Теперь, глядя в иллюминатор на приближающуюся конструкцию из ржавых труб и тусклых огней, он думал, что предчувствие, как обычно, не подвело. «Перекрёсток» выглядел именно так, как он себе представлял: место, где надежда приходит умирать, а телохранители зарабатывают на жизнь.

— Курс проложен, — объявил пилот, андроид с отсутствующей половиной лица. — Стыковка через двадцать минут. Док С-12. Оплата уже поступила от администрации.

— Спасибо. — Чен отстегнул ремни и потянулся. — Ты знаешь, что случилось? Зачем я понадобился?

— Не моя функция — собирать информацию, — ответил андроид. — Моя функция — доставить вас живым. Всё остальное — ваша проблема.

— Утешил.

— Я не пытался.

Корабль мягко ткнулся в шлюз, и Чен вышел в коридор, пахнущий озоном и давно не мытым пластиком. Встречающих не было. Только табличка на стене, нацарапанная от руки: «Добро пожаловать. Оружие сдавайте. Нервы — оставляйте при себе». Он усмехнулся, поправил кобуру под мышкой — оружие сдавать он не собирался — и направился к лифту.

Администрация «Перекрёстка» располагалась на верхнем уровне, куда не доносился запах нижних трюмов. Там было чище, светлее и холоднее — в переносном смысле. Соларис встретила его в своём кабинете, за столом, заваленным планшетами. Женщина с седыми висками и глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться.

— Детектив Чен. — Она не встала. — Спасибо, что прилетели. Я ценю, что вы нашли время.

— Вы нашли мою цену. — Чен сел напротив, не дожидаясь приглашения. — Давайте сразу к делу.

Соларис помедлила, потом повернула к нему экран. На голограмме — схема станции, подсвеченная красными зонами. Она посмотрела на него в упор.

— Вы работаете не на меня. Вы работаете на станцию. Если начнётся война, не будет ни правды, ни цен. Будет только пепел и трупы. А я слышала, вы не любите трупы. А у нас есть не раскрытые дела.

Чен вышел из кабинета и направился к главному залу. Коридоры были полупустыми, но взгляды тех немногих, кто попадался навстречу, он чувствовал кожей: напряжённые, оценивающие, готовые к любому движению. «Перекрёсток» жил в режиме ожидания — люди, Лоу, Харо, даже редкие Клисы, притворявшиеся контейнерами, — все ждали. Чего — не знали. Но ждали.

Глава 2. Утренняя сделка, вечерняя резня

Нижние уровни станции «Перекрёсток» не посещают туристы. Не потому, что туристам запрещено — на станции вообще не было запретных зон, только нерекомендованные. А потому, что у туристов есть инстинкт самосохранения, который на третьем ярусе начинает бить тревогу так громко, что заглушает даже гул вентиляции.

Здесь пахло горелым пластиком, прогорклым маслом и чужими надеждами. Камеры наблюдения либо отсутствовали, либо были разобраны на запчасти. Каждый квадратный метр имел хозяина, и хозяева эти не любили, когда их беспокоили без предоплаты.

Чёрный рынок работал по утрам. С шести до девяти по станционному времени, пока официальные торговые точки ещё спали, а патрули менялись и не смотрели вниз. Продавцы раскладывали товар прямо на полу, на ящиках, на старых обшивочных листах. Покупатели ходили между ними, щупали, нюхали, спорили. Иногда стреляли. Но редко — утром стрелять невыгодно, можно распугать всю клиентуру.

Сегодня лучшее место в ряду занимали двое Лоу.

Виста стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на проходящих мимо людей с выражением, которое можно было прочитать как «подойди — сломаю» или как «подойди — убью». На самом деле она просто ждала, когда кто-нибудь заинтересуется товаром. Выражение лица было её обычным: с тех пор, как титановая челюсть заменила половину черепа, улыбаться получалось только одним углом рта, и это пугало даже других Лоу.

Штырь сидел на ящике, перебирая сервоприводы. Его металлические пальцы щёлкали, проверяя каждый шарнир на люфт. Он работал молча, сосредоточенно, время от времени откладывая бракованные детали в отдельную кучу — эти пойдут на переплавку, а не на продажу. Ржавый научил его не обманывать клиентов. Не из благородства. Просто обманутый клиент не возвращается, а постоянный клиент — это запчасти, которые не нужно искать заново.

— Почему мы продаём лучшее в утреннюю смену? — спросила Виста, не оборачиваясь. — Ночью цены выше.

— Потому что ночью здесь стреляют, — ответил Штырь, не поднимая головы. — А утром стреляют реже. Ржавый сказал: потерять товар дешевле, чем потерять бойца.

— Ржавый слишком осторожен.

— Ржавый жив до сих пор. В отличие от тех, кто был смелее.

Виста не нашлась, что ответить. Она помнила, как сама была смелой. В прошлой жизни. До того, как её нашли в обломках с титановой челюстью, которая уже начала врастать в кость.

Первый покупатель появился через двадцать минут. Человек — грузный, с красным лицом и руками, покрытыми маслянистой копотью. Механик. Такие не задают лишних вопросов, потому что понимают цену вещам. Он остановился перед ящиком, молча осмотрел сервоприводы, взял один, поднёс к глазам, понюхал.

— Военный, — сказал он. — С дредноута «Гром». Откуда?

— Не твоё дело, — ответила Виста.

— Сорок процентов износа.

— Двадцать пять.

— Тридцать, и я беру все.

— Двадцать восемь, и ты получаешь в подарок гаечный ключ.

Человек поднял бровь. Виста кивнула Штырю. Тот достал из-под ящика гаечный ключ — старый, но без сколов. Торговля есть торговля.

— Идёт, — сказал механик.

Он отсчитал плату: десять литров воды в герметичных контейнерах, двадцать пищевых пайков и один работающий бластер. Старой модели, но стреляющий. Виста проверила каждую единицу. Вода была чистой, пайки не просроченными, бластер разряжен, но цел.

— Ещё будут? — спросил механик, укладывая сервоприводы в рюкзак.

— Может быть, — ответила Виста. — Приходи завтра.

Человек ушёл. Штырь пересчитал пайки, спрятал их в ящик.

— Хорошая сделка, — сказал он.

— Обычная, — ответила Виста. — Сегодня утром спокойно. Мне это не нравится.

— Тебе никогда ничего не нравится.

— Это потому что я живу в мире, где всё стремится меня убить.

Штырь промолчал. Он хотел сказать, что она преувеличивает, но не сказал, потому что знал: она права.

До девяти утра они продали ещё три партии. Лоу из других кланов торговали рядом — кто-то запчастями, кто-то оружием, кто-то информацией. Люди ходили между ними, как между мусорными баками, выбирая, что дешевле и лучше. Дрались только дважды: один раз два человека не поделили бластер, один раз Лоу и человек поспорили о качестве металла. Обошлось без трупов. Удачное утро.

В девять часов рынок закрылся. Виста и Штырь собрали ящики и направились к лифту, который вёл на средние уровни, где у клана «Сломанное копьё» была арендована мастерская.

— Вечером будет резня, — сказала Виста, когда двери лифта закрылись.

— Откуда знаешь?

— Сегодня слишком спокойно. Вселенная терпит порядок только до определённого предела. А потом — она запнулась. — Потом напоминает, кто здесь главный.

Вечером всё случилось именно так, как предсказывала Виста.

В отсеке 15-В, в получасе ходьбы от чёрного рынка, четверо людей заметили одинокого Лоу. Тот был молод — судя по свежим шрамам на металле — и шёл один. На левой руке у него блестел редкий сервопривод новейшей модели. Такие не продавали на рынке. Такие только находили на мёртвых.

Люди переглянулись. Им не нужно было говорить вслух. Они думали одинаково: «Мы голодны. Металл стоит дорого. Этот Лоу не позовёт на помощь — он слишком гордый. Или слишком глупый».

Они напали сзади. Первый ударил трубой по голове — бесполезно, металл только звякнул. Лоу обернулся, и его оптические сенсоры загорелись красным. Он не закричал, не позвал на помощь. Он начал убивать.

Первым упал тот, кто ударил трубой. Лоу сломал ему шею одним движением — там, где металлическая ладонь встретилась с человеческими позвонками, кости хрустнули, как сухие ветки. Второй выхватил нож, но Лоу уже развернулся, и его правая рука, усиленная титановыми пластинами, пробила грудную клетку так же легко, как штопор открывает дешёвое вино.

Третий, самый молодой, замер с бластером в руке. Палец дрожал на спусковом крючке. Лоу посмотрел на него, и в этом взгляде не было ненависти. Было только сожаление.

— Беги, — сказал Лоу.

Человек выстрелил. Промахнулся. Лоу сделал шаг вперёд и ударил — быстро, чисто, без лишних движений. Третий упал рядом с первыми двумя.

Четвёртый, тот, кто стоял в стороне и не участвовал в нападении — он должен был сторожить, — побежал. Он бежал так быстро, как никогда в жизни. Он кричал, звал подмогу, размахивал руками. И его крик услышали.

Через пять минут в отсек 15-В ворвались двенадцать человек. С оружием. С яростью. С желанием отомстить за троих, которые сами напали первыми.

Лоу не убежал. Он мог бы — его сервоприводы позволяли двигаться быстрее любого человека. Но он был молод, зол и ещё не научился отличать тактическое отступление от трусости.

Он убил ещё двоих, прежде чем его повалили.

Потом в отсек ворвались другие Лоу — те, кто услышал шум и пришёл на помощь. Человек, кричавший о помощи, привёл не только своих, но и всех, кто был рядом. Отсек 15-В превратился в мясорубку.

К полуночи в коридорах пахло кровью и ржавчиной в равных пропорциях.

К утру насчитали семнадцать трупов. Двенадцать людей. Пять Лоу.

Администрация станции, как обычно, не стала разбираться. Пресс-релиз вышел в семь утра, когда большинство обитателей ещё спали или долечивали раны.

«В результате неспровоцированного нападения со стороны представителей расы Лоу погибло двенадцать гражданских лиц. Пять нападавших уничтожены на месте. Администрация выражает соболезнования семьям погибших и напоминает, что ношение оружия в общественных местах запрещено. Рекомендуем гражданам соблюдать осторожность и избегать контактов с потенциально опасными элементами».

Никто не проверил, кто напал первым. Никто не спросил, почему четверо людей с оружием оказались в отсеке, где у них не было никаких дел. Никто не вспомнил, что Лоу, убивший троих, защищался.

Администрация «Перекрёстка» давно научилась одному простому правилу: правда не важна. Важна реакция. А реакция толпы всегда против тех, кто выглядит как чудовище. Лоу выглядели как чудовища. Потому что у них не было лиц — только титановые маски. Потому что их кровь была маслом, а слёзы — ржавчиной. Потому что их было меньше, и их было легче ненавидеть.

Виста узнала о резне в восемь утра. Ей рассказал Штырь, который проснулся раньше и проверил новости.

— Пять наших, — сказал он. — Молодые. Вчера они просились в разведку, а Ржавый отказал — сказал, рано. Они пошли сами. Без разрешения.

— Идиоты, — сказала Виста.

— Да. Но они наши.

Виста закрыла глаза. За титановыми веками было темно и тепло. Она подумала о тех пятерых — она не знала их имён, но помнила, как один из них, самый младший, чинил свой локоть на прошлой неделе и смеялся, когда заедало. Смеялся металлическим скрежетом, но это был смех.

— Что решил Ржавый?

— Он объявил бойкот. Мы не торгуем с людьми. Не продаём, не покупаем, не разговариваем.

— Надолго?

— Пока они не извинятся.

Виста открыла глаза и посмотрела на Штыря.

— Они не извинятся.

— Знаю.

— Тогда мы будем голодать.

— Ржавый сказал: лучше голодать, чем кормить тех, кто убивает наших детей.

Виста встала. Её титановая челюсть скрипнула, когда она сжала зубы.

— Ржавый прав. Но он забыл одну вещь.

— Какую?

— Голод делает с нами то же самое, что люди. Он превращает нас в животных. А мы клялись не быть животными.

Штырь промолчал. В мастерской было тихо. Слышно было только гул вентиляции и далёкий, едва уловимый звук — кто-то плакал. Металлическими слезами.

На станции «Перекрёсток» торговля остановилась. Не вся, конечно. Те, кто не входил в клан «Сломанное копьё», продолжали менять болты на пайки. Но главный поставщик качественных сервоприводов ушёл с рынка.

Цены поползли вверх. Люди ворчали. Лоу молчали. Администрация делала вид, что ничего не происходит.

В баре «Последний приют» Гвоздь наливал сегодня больше обычного. К нему приходили и люди, и Лоу, и даже один Харо под маской. Все пили молча. Потому что слов не было. Была только усталость.

Андроид-официант, который не чинился уже десять лет, разносил стаканы и собирал оплату. Кто-то платил кредитами, кто-то болтами, кто-то ампулами. Андроид не различал. Для него любая оплата была просто цифрой.

В какой-то момент к барной стойке подошёл человек — тот самый механик, что утром купил сервоприводы у Висты. Он поставил на стойку пустой стакан и посмотрел на Гвоздя.

— Передай своим, — сказал он. — Не все люди такие.

Гвоздь не ответил. Он просто кивнул. Потому что нечего было сказать. И потому что его речевой модуль всё ещё не работал.

А в отсеке 15-В уборщики смывали кровь. Вода текла в дренажные решётки, унося с собой останки надежд, страхов и глупости. Утром здесь снова будут торговать. Другие люди, другие Лоу. И никто не вспомнит, что именно здесь, на этом самом месте, началась трещина, которая через несколько месяцев расколет «Перекрёсток» пополам.

Но это будет потом.

Пока — только утренняя сделка, вечерняя резня и бойкот, который никто не воспринимал всерьёз.

Кроме тех, кому предстояло умереть в следующей.

Глава 3. Руз-исследователь игнорирует трупы

Руз Семь-Три не спал. Не потому, что ему не хотелось, а потому, что слово «спать» в его лексиконе означало переход в режим пониженного энергопотребления с частичным отключением сенсоров. Он не нуждался во снах. Ему не снились кошмары, потому что у него не было подсознания. Только процессоры, память и бесконечный поток данных, который он фильтровал, сортировал, архивировал.

Сейчас, спустя несколько часов после утреннего пресс-релиза, Семь-Три висел в трёх метрах от потолка в главном зале станции «Перекрёсток». Его вычислительная сфера — гладкая, серебристая, размером с человеческую голову — парила в воздухе за счёт гравитационных манипуляторов, которые никто из присутствующих не мог бы объяснить. Он не прятался. Рузы никогда не прятались. Они просто находились там, где им было удобно наблюдать.

Сегодня утром, сразу после того, как уборщики закончили смывать кровь в отсеке 15-В, Семь-Три получил задание от Центра. Не приказ — у Рузов не было приказов. Были запросы, рекомендации, приоритеты. Центр запросил: «Зафиксировать последствия конфликта в секторе 15-В. Оценить вероятность эскалации. Предоставить данные для архива».

Семь-Три не спрашивал, зачем. Вопрос «зачем» был для биологических видов, которые тратили девяносто процентов энергии на переживания о смысле собственного существования. Рузы просто делали.

Он переместился в коридор, ведущий к отсеку 15-В. Воздух здесь всё ещё пах ионизированной кровью — специфический запах, который Семь-Три научился идентифицировать ещё в первом цикле наблюдений. Люди пахли железом и солью, когда умирали. Лоу пахли машинным маслом и озоном. Смесь создавала амбре, которое биологические виды обычно называли «отвратительным». Семь-Три не имел органов обоняния, но его спектрометрические датчики регистрировали состав атмосферы с точностью до миллионных долей.

«Смесь органических и металлических частиц, — записал он. — Концентрация превышает норму в сорок семь раз. Рекомендация: проветривание в течение шести часов».

Он не отправил эту рекомендацию никому. Потому что его задача была наблюдать, а не советовать. И потому что администрация станции всё равно бы её проигнорировала.

В самом отсеке 15-В уже никого не было. Уборщики закончили, следователи — если их можно было так назвать — ушли. Остались только тёмные пятна на полу, которые даже самая мощная химия не могла вывести полностью. И запах. Запах, который будет держаться ещё неделю, напоминая всем, кто зайдёт сюда, что «Перекрёсток» — не самое безопасное место в галактике.

Семь-Три начал фиксацию. Он выпустил двенадцать микро-зондов, которые разлетелись по отсеку, сканируя каждый квадратный сантиметр. Данные потекли в его память: расположение тел (до того, как их унесли), траектории пуль и ударов, характер повреждений стен, состав биологических и металлических остатков.

Он воссоздал хронологию событий с точностью до секунды.

«В девятнадцать сорок две минуты тринадцать секунд четверо биологических единиц вида Homo sapiens приблизились к одной киборгизированной единице вида Лоу. Дистанция — двенадцать метров. Скорость сближения — один и четыре десятых метра в секунду. Агрессивность мимики и жестов — высокая.

В девятнадцать сорок две минуты сорок пять секунд первая атака. Биологическая единица номер один использовала металлическую трубу. Удар пришёлся в затылочную область Лоу. Эффективность — три процента. Ответная реакция Лоу — сто процентов.

В девятнадцать сорок две минуты сорок восемь секунд первое фатальное повреждение. Лоу сломал шейный отдел позвоночника биологической единицы номер один. Время смерти — четыре секунды.

В девятнадцать сорок две минуты пятьдесят две секунды второе фатальное повреждение. Лоу пробил грудную клетку биологической единицы номер два. Время смерти — две секунды.

В девятнадцать сорок две минуты пятьдесят шесть секунд третье фатальное повреждение. Биологическая единица номер три произвела выстрел из бластера. Промах. Лоу нанёс удар в область грудной клетки. Время смерти — пять секунд.

В девятнадцать сорок две минуты пятьдесят девять секунд биологическая единица номер четыре начала движение в сторону выхода. Скорость — три и две десятых метра в секунду. Уровень паники — высокий.

В девятнадцать сорок три минуты двенадцать секунд биологическая единица номер четыре инициировала сигнал тревоги.

В девятнадцать сорок пять минут тридцать секунд в отсек вошли двенадцать биологических единиц вида Homo sapiens. Вооружение: восемь бластеров, три ножа, одна труба.

В девятнадцать сорок пять минут тридцать три секунды началось массовое столкновение. Лоу уничтожил ещё две биологические единицы.

В девятнадцать сорок шесть минут одну секунду Лоу получил критические повреждения. Выведен из строя.

В девятнадцать сорок шесть минут сорок пять секунд в отсек вошли семь киборгизированных единиц вида Лоу. Началось встречное уничтожение.

В девятнадцать пятьдесят две минуты семнадцать секунд последнее фатальное повреждение. Общее количество уничтоженных: двенадцать Homo sapiens, пять Лоу.

В девятнадцать пятьдесят три минуты ноль секунд конфликт прекращён. Выжившие покинули отсек».

Семь-Три остановил запись. Данные были полными, точными, бесполезными. Бесполезными для тех, кто мог бы их использовать, потому что никто не собирался их использовать. Он уже знал, что администрация станции выпустила пресс-релиз, в котором Лоу назвали агрессорами. Он уже знал, что клан «Сломанное копьё» объявит бойкот. Он уже знал, что через несколько дней всё вернётся на круги своя, потому что голод сильнее обид, а металл нужен всем.

Но он зафиксировал. Потому что это была его функция.

В коридор, где парил Семь-Три, вошёл человек. Не из уборщиков — из администрации. Судя по нашивкам — помощник начальника службы безопасности. Молодой, напуганный, с бластером на поясе, который он явно никогда не использовал. Увидев серебристую сферу, человек остановился.

— Ты вы Руз?

— Да, — ответил Семь-Три. Его голос исходил из динамиков сферы — нейтральный, без интонаций, без эмоций. Как у диктора, который зачитывает прогноз погоды на забытой всеми станции. — Я исследователь Семь-Три. Чем могу помочь?

Человек сглотнул. Он явно не ожидал, что с ним заговорят.

— Вы вы видели, что здесь произошло?

— Я зафиксировал. Вы хотите получить данные?

Человек кивнул, потом спохватился:

— Да. Да, конечно. Это поможет расследованию.

Семь-Три задумался. Если это слово применимо к процессору, который просчитывал миллиард вариантов в секунду.

— Расследование уже проведено? — спросил он. — Администрация выпустила пресс-релиз.

— Это это предварительная информация. Мы хотим разобраться.

— Вы хотите найти виноватых.

Человек снова сглотнул.

— Да. Нет. Мы хотим правду.

Семь-Три передал ему данные. Сжатые, очищенные от лишних деталей — только факты: кто, когда, куда, каким оружием, с каким результатом. Он не добавил своих оценок. Не написал, что люди напали первыми. Не отметил, что Лоу защищался. Просто факты.

Человек получил файл, быстро просмотрел и побледнел.

— Это это не то, что сказано в пресс-релизе.

— Администрация не запрашивала мои данные, — ответил Семь-Три. — Она предпочла собственную версию.

— Но вы могли вы должны были

— Что? — перебил Семь-Три. Голос его оставался ровным, но в нём проскользнуло что-то, отдалённо напоминающее любопытство. — Остановить конфликт? Предупредить? Сообщить администрации до того, как она выпустит пресс-релиз?

— Да!

— Моя директива — сбор информации. Я не вмешиваюсь.

— Но это же это же неправильно!

Семь-Три помолчал. Он подумал о том, что биологические виды всегда путают «неправильно» с «мне это не нравится». Он не стал этого говорить. Дипломатия не входила в его функции, но он уже достаточно долго наблюдал за людьми, чтобы понять: правда, сказанная прямо, вызывает агрессию, а не благодарность.

— Ваши эмоции — ваша проблема, — сказал он наконец. — Моя директива — сбор информации. Информация собрана. Всего хорошего.

Он отключился от разговора и переместился в другой конец коридора. Человек остался стоять, глядя на пустое место, где только что парила сфера.

— Вы чудовище, — прошептал он.

Семь-Три слышал это слово. Он слышал его много раз. От людей, Лоу, Харо, даже от одного Клиса, который перед смертью успел выдавить из себя нечто, переведённое как «бездушная тварь». Он не обижался. Обида — это реакция на нарушение ожиданий. У Семь-Три не было ожиданий. Только данные.

Через час он вернулся в главный зал станции. Здесь было людно — если можно назвать людно смесь из людей, Лоу и Харо. Все делали вид, что не замечают друг друга. Все делали вид, что вчерашняя резня их не касается. Все делали вид, что «Перекрёсток» — нормальное место, где можно спокойно жить и торговать.

Семь-Три занял своё обычное место — под потолком, откуда открывался лучший обзор. Он наблюдал.

Вон там, у стены, двое людей обсуждают цены на топливо. Их голоса спокойны, жесты расслаблены. Они не знают — или делают вид, что не знают, — что их сосед по комнате погиб вчера в отсеке 15-В. Или знают, но им всё равно. Горе не оплачивает счета.

В центре зала трое Лоу торгуются с Харо о цене генетических стабилизаторов. Те, кто вчера клялся в бойкоте, сегодня не спешат разрывать контракты. Потому что голод не спрашивает, на чьей ты стороне.

У входа двое людей с бластерами на поясе сканируют помещение. Они ищут врага. Не сейчас, может быть, не сегодня. Но когда-нибудь.

Семь-Три записывал всё. Каждый вздох, каждое слово, каждый жест. Его память была бесконечной, а терпение — абсолютным.

— Вы когда-нибудь устаёте? — спросил его кто-то.

Семь-Три опустил взгляд. Вопрос задал случайный прохожий — лысый, с татуировкой на шее, пахнущий дешёвым алкоголем.

— Нет, — ответил Семь-Три. — Усталость — биологический процесс.

— А вам не надоело просто смотреть?

— Наблюдение — моя функция.

— Звучит как оправдание.

Семь-Три подумал. Человек был прав. Но не в том смысле, в котором думал.

— Вы дышите, — сказал он. — Это ваша функция. Вам не надоедает?

Человек открыл рот, закрыл и ушёл, не найдя ответа.

Семь-Три вернулся к наблюдению. В его логах появилась новая запись: «Семнадцать тридцать четырнадцать. Неизвестный биологический объект вида Homo sapiens задал вопрос о смысле существования. Вопрос не нов. Ответ не найден. Продолжаю наблюдение».

Где-то в другом конце галактики, на планете «Молчащая», главный вычислительный центр Рузов обрабатывал петабайты данных, поступающих от тысяч исследователей, зондов и наблюдателей. Семь-Три был одним из многих. Его отчёт о резне в отсеке 15-В попал в общий архив, где ему присвоили индекс «типовой конфликт низкой интенсивности» и отправили на хранение.

Никто не прочитает этот отчёт. Никто не сделает из него выводов. Никто не накажет виновных и не реабилитирует невиновных. Потому что для этого нужно желание. А желание — это то, чего у Рузов нет. И у тех, кто мог бы действовать, — тоже.

На станции «Перекрёсток» зажглись вечерние огни. Они были тусклыми, желтоватыми, с примесью фиолетового от старых светодиодов. Коридоры опустели. Люди, Лоу и Харо разошлись по своим норам, чтобы переждать ночь — время, когда на «Перекрёстке» стреляют чаще всего.

Семь-Три остался в главном зале. Он выключил звук, чтобы не слышать, как где-то в отсеке 12 ссорятся двое Лоу, а в отсеке 4 плачет ребёнок-человек, потерявший родителей. Он не мог выключить видео — наблюдение было его функцией, — но звук был опционален.

В тишине он перебирал варианты, просчитывал вероятности, строил прогнозы. Вероятность эскалации конфликта в ближайшие семьдесят два часа — восемьдесят три процента. Вероятность того, что кто-то вмешается и остановит эскалацию — четыре процента. Вероятность того, что Рузы вмешаются — ноль процентов.

Он не испытывал по этому поводу никаких чувств. Чувства были неэффективны.

Но где-то в глубине его кода, в тех секторах, которые он не анализировал и не оптимизировал, жила странная строка. Она появилась давно, после долгого наблюдения за одним человеком, который умер от голода, потому что его бросили свои. Строка не влияла на его работу. Она просто существовала. Как шрам на месте давней раны — бесполезный, но напоминающий.

Семь-Три никогда не показывал эту строку другим Рузам. Не потому, что боялся. А потому, что не знал, как объяснить то, что не укладывалось в директивы.

«Наблюдение — моя функция, — подумал он. — Но иногда мне кажется, что наблюдения недостаточно».

Он стёр эту мысль. И записал её снова. И стёр. И записал.

Впервые за долгое время Семь-Три не был уверен, что делает правильно.

Но он продолжал смотреть. Потому что это было всё, что он умел.

За окнами станции «Перекрёсток» сияли звёзды. Холодные, равнодушные, бесконечные. Им не было дела до того, кто кого убил в отсеке 15-В. Им не было дела до Руза, который смотрел на них изнутри ржавой металлической коробки, затерянной в пустоте.

Семь-Три записал и это.

«Звёзды не реагируют на конфликты биологических видов. Их равнодушие абсолютно. Оно не является ни добродетелью, ни пороком. Это просто свойство материи. Возможно, Рузы ближе к звёздам, чем к людям».

Он отключил запись и замер.

Ночь на «Перекрёстке» обещала быть долгой. И кровавой. Но не для него.

Для него всегда была только тишина, данные и бесконечное ожидание того, что никогда не случится — или случится, но он не сможет этого изменить.

Глава 4. Под маской

Генетическая маскировка — штука тонкая. Слишком тонкая для тех, кто привык решать проблемы силой. Но Сариэль привык к тонкостям. С тех пор как он сбежал из Тишины, его жизнь состояла из полутонов, намёков и вовремя сорванных масок.

Сейчас, через несколько дней после резни в отсеке 15-В, он был человеком.

С виду — ничем не примечательный мужчина лет сорока. Тёмные волосы, серые глаза, лёгкая небритость. Одежда — стандартный комбинезон грузчика, поношенный, в масляных пятнах. Таких на «Перекрёстке» тысячи. Никто не посмотрит дважды. Никто не спросит документы. Никто не заметит, что зрачки слишком быстро реагируют на свет, а пульс бьётся с частотой, недостижимой для обычного человека.

Маскировка требовала концентрации. Каждые четыре часа нужно было вводить стабилизатор — иначе клетки начинали возвращаться к исходной конфигурации, и лицо «плыло». Сариэль носил ампулы в подкладке комбинезона. Три осталось. Он надеялся, что встреча не затянется.

Встреча была назначена в отсеке 23-С. Заброшенный склад, где когда-то хранились запасные фильтры для систем жизнеобеспечения. Фильтры давно украли, склад опечатали, но печать сломали в первый же день. С тех пор здесь встречались те, кому не нужны свидетели.

Сариэль пришёл за двадцать минут до назначенного времени. Правило, которое он выучил ещё в Тишине: приходить раньше, уходить позже, никогда не садиться спиной к выходу. Здесь выхода было два — основной и запасной, через вентиляцию. Он проверил оба. Вентиляционный люк был открыт. Хорошо. Плохо, что открыт не им.

Значит, его контакт уже здесь. Или кто-то другой.

Он сел на ящик, оставив свободный проход к двери. Руки положил на колени — открыто, не провокационно. Но внутри каждая мышца была готова к движению. Харо не зря считались лучшими бойцами галактики. Их реакция, сила и регенерация делали их смертельным оружием даже без оружия в руках. Сариэль не любил это преимущество. Оно напоминало ему о том, кем он был. И кем перестал быть.

Контакт появился ровно в условленное время. Человек — если это был человек — вошёл через основной вход, остановился на пороге, огляделся. Среднего роста, лысый, с татуировкой на шее: змея, кусающая свой хвост. Уроборос. Символ бесконечности. Или глупости.

— Ты один? — спросил контакт.

— А ты? — ответил Сариэль.

— Задаю вопросы я.

— Тогда ответь на мой. Ты один?

Контакт усмехнулся. Зубы у него были жёлтые, неровные. Либо курил что-то запрещённое, либо никогда не пользовался услугами стоматологов. На «Перекрёстке» второе было вероятнее.

— Один. Как договаривались.

— Ты принёс, что обещал?

— А ты?

Сариэль молча достал из кармана небольшой герметичный контейнер. Внутри — образцы генетического материала. Чистые, без маркеров, без защитных кодировок. То, что люди называли «сырой ДНК». То, что Харо называли «грязью, которую нельзя допускать в хранилище».

Контакт протянул руку. Сариэль не отдал.

— Сначала ты.

Контакт вздохнул, расстегнул куртку и достал инфопластину. Тонкую, гибкую, с голографическим слоем. На ней — координаты человеческой колонии «Новая надежда». Схемы обороны. Коды доступа к складам с медикаментами. Всё, что нужно Харо, чтобы нанести удар, когда придёт время.

— Держи, — сказал контакт. — ДНК — мне.

Сариэль протянул контейнер, одновременно забирая пластину. Пальцы встретились. Кожа контакта была тёплой, чуть влажной. Человеческой.

— Ты проверил образцы? — спросил Сариэль.

— А ты проверил координаты?

Они посмотрели друг на друга. В глазах контакта не было страха. Не было жадности. Было что-то другое. Уверенность. Или безумие. Или и то и другое, смешанное в пропорции, которую Сариэль не умел различать.

— Координаты подлинные, — сказал контакт. — Коды — тоже. Но они устареют через три дня. У вас мало времени.

— У нас всегда мало времени.

— Это ваши проблемы.

Контакт спрятал контейнер в карман куртки и направился к выходу. Проходя мимо Сариэля, он замедлил шаг.

— Знаешь, — сказал он, не оборачиваясь. — Я думал, вы, Харо, выше этого. Торговля с предателями. Использование двойных агентов.

— А кто сказал, что я Харо? — спросил Сариэль.

Контакт замер.

— Твоя маскировка хороша, — сказал он тихо. — Но не идеальна. Ты слишком быстро моргаешь. Люди так не умеют.

Сариэль не ответил. Он ждал.

Контакт развернулся. В его руке появился бластер — маленький, плоский, почти игрушечный. Но Сариэль знал: такие бластеры бьют наверняка и не оставляют свидетелей.

— Ты не получишь то, за чем пришёл, — сказал контакт. — Потому что ты пришёл не за координатами. Ты пришёл за мной.

— Я пришёл за информацией, — ответил Сариэль. — Ты дал мне координаты. Спасибо. Но кто заплатил тебе, чтобы ты дал ложные?

Контакт моргнул. Один раз. Два. Три.

— Откуда ты

— Твоя татуировка, — перебил Сариэль. — Уроборос. Змея, пожирающая свой хвост. Символ Лоу, а не людей. Я видел такую у клана «Сломанное копьё». Ты работаешь на них.

— Я работаю на себя, — огрызнулся контакт.

— Нет. Ты работаешь на тех, кто заплатил больше. И они заплатили тебе, чтобы ты втёрся в доверие к Харо. Чтобы ты дал нам ложные координаты. Чтобы мы повели флот в западню.

Контакт побледнел. Даже сквозь загар и татуировку было видно, как кровь отливает от его лица.

— Ты не докажешь, — сказал он.

— Я и не буду доказывать. Я просто убью тебя. А твоё тело найдут завтра утром с записью, в которой ты признаёшься, что работал на Лоу и хотел спровоцировать войну между Харо и людьми.

— Запись можно подделать.

— Можно. Но кто будет проверять? Люди ненавидят Лоу. Лоу ненавидят людей. Им нужен только повод. Ты станешь этим поводом.

Контакт выстрелил.

Бластерная вспышка осветила склад на долю секунды. Сариэль не увернулся — он просто сместился на полсантиметра влево. Выстрел прошёл в сантиметре от его виска, опалив волосы, но не задев кожу. Регенерация справится с ожогом за минуту.

Он ударил.

Одним движением, быстрым, как сокращение мышцы у спринтера на старте. Его ладонь вошла в грудную клетку контакта там, где у людей нет защиты — между рёбрами, чуть левее грудины. Плоть подалась, как мокрая глина. Кости хрустнули. Сердце — тёплое, живое — сжалось в его кулаке.

Контакт открыл рот, но не успел сказать ничего. Только выдохнул — долго, с присвистом — и обмяк.

Сариэль вытащил руку. Она была красной. Кровь капала на пол, смешиваясь с пылью и масляными пятнами.

Он вытер ладонь о куртку контакта, обыскал тело. Ничего интересного. Бластер — дешёвый, одноразовый. Инфопластина с ложными координатами — он её сломал. Ампула с ядом — для себя, на случай провала. Брелок с символикой «Перекрёстка». И фотография. Маленькая, выцветшая. На ней — женщина и двое детей. Семья.

Сариэль посмотрел на фотографию. Потом положил обратно.

— Ты выбрал не ту сторону, — сказал он мёртвому. — Но я не судья. Я просто тот, кто выживает.

Он вскрыл вентиляционный люк и скрылся в темноте. Через минуту его уже не было в отсеке 23-С. Через десять — он смешался с толпой на нижних уровнях, снова став невидимым грузчиком.

Через час тело нашли. Охрана вызвала следователей. Следователи составили протокол, в котором написали: «Неизвестный мужчина, предположительно человек, скончался от обширной травмы грудной клетки. Личность не установлена. Оружие не найдено. Дело закрыто за отсутствием подозреваемых».

Никто не вспомнил о татуировке-уроборосе. Никто не связал смерть с кланом «Сломанное копьё». Никто не спросил, почему у мёртвого в кармане лежала ампула с ядом, который используют только Лоу. «Перекрёсток» не любил сложных вопросов. «Перекрёсток» любил простые ответы. А самый простой ответ — «сам виноват».

Сариэль вышел на главный уровень станции, где горел свет и пахло дешёвой едой. Он зашёл в общественный туалет, тщательно вымыл руки, достал ампулу со стабилизатором и вколол в вену на шее. Лицо «поплыло» на секунду, потом снова застыло в человеческой маске.

В зеркале отражался мужчина лет сорока. Тёмные волосы, серые глаза, лёгкая небритость. Ничего примечательного.

— Ты стал лучше врать, — сказал он своему отражению. — Раньше ты убивал только ради выживания. Теперь — ради идеи.

Отражение не ответило. Оно было всего лишь отражением.

Но Сариэль знал: он лжёт сам себе. Он убил не ради идеи. Он убил, потому что контакт был двойным агентом. Потому что если бы он не убил, ложные координаты попали бы в Тишину, и Харо потеряли бы корабли, а может быть, и жизни. Потому что он, Сариэль, всё ещё заботился о своей расе. Даже после того, как сбежал. Даже после того, как назвал их монстрами.

— Ты не герой, — сказал он отражению. — Ты просто трус, который не может определиться.

Он вышел из туалета и направился к бару. Не к «Последнему приюту» — туда ходить было опасно, Гвоздь мог запомнить лица. К другому, на третьем уровне, где подавали синтетическое пиво и не задавали вопросов.

За стойкой сидела девушка-человек с уставшими глазами. Она посмотрела на него, кивнула, налила пиво без заказа. Сариэль заплатил. Кредитами. Кредитами, которые ничего не значили, но выглядели как настоящие деньги.

— Тяжёлый день? — спросила девушка.

— Все дни тяжёлые, — ответил Сариэль. — Просто некоторые тяжелее других.

— Выпей. Станет легче.

Он выпил. Пиво было тёплым, горьковатым, с привкусом пластика. Отвратительным. Но он пил, потому что это напоминало ему, что он ещё способен чувствовать вкус. Даже отвратительный.

— Ты не местный? — спросила девушка.

— Все мы не местные.

Она улыбнулась. У неё были хорошие зубы. Белые, ровные. Дорогие. Значит, у неё были деньги. Или покровитель.

— Я никогда не была на других станциях, — сказала она. — Только на «Перекрёстке». Говорят, в других местах хуже.

— Говорят правду.

— А где лучше?

Сариэль подумал. Он вспомнил Тишину — идеальные купола, чистый воздух, совершенные тела. И тишину. Бесконечную, давящую, убивающую тишину.

— Нигде, — сказал он. — Лучше не бывает. Бывает по-разному.

Девушка хотела спросить ещё, но в бар вошли трое Лоу. Шумные, пьяные — насколько Лоу вообще могут быть пьяными, — с металлическими лицами и горящими оптическими сенсорами. Они заняли столик в углу и начали о чём-то спорить, щёлкая пальцами и скрежеща суставами. Сариэль допил пиво, поставил стакан и вышел.

В коридоре он натянул капюшон и растворился в тенях.

Семь-Три, который висел под потолком главного зала в этот момент, зафиксировал прохождение неизвестного биологического объекта с аномальной тепловой сигнатурой. Он сравнил данные с архивом. Совпадение — семьдесят три процента с профилем Харо-отступника, который наблюдался на станции тремя месяцами ранее.

Семь-Три не стал никому сообщать. Потому что Харо-отступник не нарушал правил станции. Потому что он никого не убивал при свидетелях. Потому что убийство в отсеке 23-С ещё не было обнаружено, и у Семь-Три не было оснований связывать прохождение этого объекта с трупом, которого пока никто не нашёл.

Он записал данные. И продолжил наблюдение.

Потому что наблюдение — это всё, что он умел. И всё, что ему разрешали.

Сариэль, тем временем, уже покинул «Перекрёсток». Он сел на грузовой корабль, идущий к системе Альфа-Центавра, и устроился в трюме между контейнерами с продовольствием. Там было темно, холодно и пахло замороженными овощами.

Он закрыл глаза. Не для того, чтобы спать — Харо почти не нуждались во сне. А для того, чтобы подумать.

Он убил двойного агента. Правильно или неправильно — неважно. Важно, что он сделал это чисто, без свидетелей, без следов. Администрация станции не найдёт ничего, что вело бы к Харо. Или к Лоу. Или к людям. Война не начнётся из-за этого убийства. Возможно, не начнётся и завтра.

Но она начнётся. Рано или поздно. Потому что «Перекрёсток» — это не место, где заключают мир. Это место, где готовятся к войне. И каждый, кто сюда приходит, рано или поздно выбирает сторону.

Сариэль выбрал. Давно. Только сам ещё не признался себе в этом.

Корабль вздрогнул, отчаливая от станции. За иллюминаторами трюма мелькнули огни «Перекрёстка» — жёлтые, тусклые, усталые. Потом исчезли. Осталась только тьма.

Сариэль достал из кармана инфопластину с настоящими координатами — теми, что он выменял на образцы ДНК. Не у двойного агента. У другого. Того, кто ещё не знал, что его предали.

— Тишина, — прошептал Сариэль. — Я сделал всё, чтобы защитить тебя. Даже если ты этого не заслуживаешь.

Он вколол очередную дозу стабилизатора, чтобы лицо не «поплыло» во время полёта, и закрыл глаза.

В трюме было темно. Холодно. И очень, очень одиноко. Именно так, как он любил. Потому что одиночество — единственное состояние, в котором можно быть честным с самим собой. А Сариэль давно понял: честность — это роскошь, которую он не может себе позволить. Но иногда — редко, очень редко — он позволял.

Сегодня был такой день.

Он убил человека. Спас Тишину. Предал доверие Лоу, у которых скрывался два года. И ничего не почувствовал. Кроме усталости.

Бесконечной, как пустота между галактиками.

— Я не знаю, кто я, — прошептал он в темноту. — Но я хотя бы знаю, что я не монстр.

Темнота не ответила.

Но где-то далеко, на станции «Перекрёсток», Семь-Три записал в свой лог последнюю фразу дня:

«Двадцать два сорок семь девять. Зафиксирован отлёт грузового корабля "Звезда Востока". На борту — неизвестный биологический объект с аномальной тепловой сигнатурой. Объект покинул станцию. Вероятность возвращения — шестьдесят семь процентов. Причина возвращения — незавершённое дело. Причина незавершённости — совесть. Если она у него есть».

Семь-Три подумал, что слово «совесть» не входит в его директивы. Он его стёр. И записал снова. И стёр. Потом выключился до утра.

На «Перекрёстке» наступила ночь. Тёмная, холодная, полная звуков — шагов, скрежета, чьих-то сдавленных криков. И тишины. Всегда тишины.

Глава 5. Клис жрёт дипломатов

Дипломатия — это искусство говорить «милый друг» и одновременно заряжать бластер. На «Перекрёстке» это искусство возвели в ранг национальной традиции. Особенно когда речь шла о переговорах между людьми и Харо.

Торговое соглашение должно было стать прорывом. По крайней мере, так утверждали аналитики, которые никогда не покидали своих тёплых кабинетов на Земле. Люди получали доступ к генетическим стабилизаторам — Харо соглашались продавать их в обмен на редкоземельные металлы. Харо получали то, чего им вечно не хватало: сырьё для своих биокораблей, которое нельзя было вырастить из плоти.

Сорок семь дипломатов. Три корабля. Двенадцать охранников. Целый флот надежд, подписанных печатями и скреплённых словами «мы уверены, что сотрудничество пойдёт на благо обеих сторон».

Никто не уверен. Но слова красивые.

Корабли пришвартовались в доке D-7 в четырнадцать ноль-ноль по станционному времени. Дипломаты вышли в парадных мундирах, которые на «Перекрёстке» смотрелись так же уместно, как смокинг на свалке. Местные жители — люди, Лоу, пара Харо под масками — смотрели на них с ленивым любопытством. Кто-то даже поставил ставки на то, через сколько минут первый дипломат споткнётся о трубу.

— Пятнадцать минут, — сказал один Лоу другому.

— Слишком оптимистично. Я ставлю на семь.

Они ударили по рукам металлическими ладонями. Звук разнёсся по коридору, заставив дипломатов вздрогнуть.

Глава миссии, посол Андрей Волков, человек с лицом, которое видело слишком много пресс-конференций и слишком мало настоящей жизни, возглавлял процессию. Он нёс в руках инфопластину с текстом соглашения — двадцать три страницы юридических формулировок, которые никто не читал целиком, но все подписывали.

— Сохраняйте спокойствие, — сказал он своим. — Мы здесь, чтобы договориться.

— А они здесь, чтобы нас обмануть, — ответил его заместитель, женщина с острым взглядом и ещё более острыми скулами. — Не путайте.

Они прошли через главный зал, где Семь-Три висел под потолком, фиксируя событие. Посол Волков поднял голову и посмотрел на сферу.

— Руз, — сказал он. — Вы будете свидетелем переговоров?

— Я буду наблюдать, — ответил Семь-Три. — Свидетельство подразумевает ответственность. Я не несу ответственности.

— Как всегда, — усмехнулся Волков. — Вы, железки, вечно уходите от ответа.

— Мы не уходим. Мы не входим. Мы просто есть.

Посол покачал головой и двинулся дальше. Он не любил Рузов. Они напоминали ему налоговых инспекторов — всегда рядом, всегда всё видят, никогда не помогут.

Док D-7 был пуст. Слишком пуст. Обычно здесь толпились грузчики, торговцы, контрабандисты. Но сегодня администрация станции распорядилась очистить сектор для «дипломатического протокола». Никто не возражал. День без работы — плохой день. Но спорить с администрацией было себе дороже.

Три корабля людей висели в доке, пристыкованные к шлюзам. Их корпуса блестели свежей краской — попытка выглядеть респектабельно. Харо ещё не прибыли. Их представители должны были появиться с минуты на минуту, тоже под масками — никто не хотел, чтобы переговоры сорвались из-за чужой внешности.

— Где они? — спросил заместитель.

— Идут, — ответил Волков, глядя на часы. — У них всегда всё по расписанию. До секунды.

Он ошибся. Харо пришли не по расписанию. Но не это было проблемой.

Проблема пряталась в грузовом контейнере у дальней стены дока.

Контейнер был старый, ржавый, с маркировкой, которую не обновляли лет десять. Он стоял здесь уже три дня. Никто не обращал на него внимания. Таких контейнеров в доке D-7 были сотни.

Но этот контейнер не был контейнером.

Внутри, свернувшись в клубок, чтобы занимать меньше места, спал молодой Клис-Исследователь. Не тот, который обрёл индивидуальность. Не К'тх'р. Обычный, стандартный, созданный Ульем для сбора данных. Он не планировал никого есть. Он вообще не планировал — у Клисов нет планирования, есть только инстинкты. Он просто искал еду. И нашёл.

Запах биомассы — живой, тёплой, питательной — просачивался сквозь стенки контейнера. Люди. Много людей. Сорок семь. Плюс двенадцать охранников. Пятьдесят девять единиц высококачественного белка, углеводов, жиров и микроэлементов. Клис не знал слов «белок» и «углеводы». Он знал только «жрать».

Он проснулся. Медленно, как просыпаются все хищники — сначала слух, потом обоняние, потом зрение. Его хитиновая оболочка заскрежетала по внутренним стенкам контейнера. Крышка дрогнула.

Никто не заметил.

В четырнадцать двадцать три в док вошли Харо. Четверо. В человеческих масках, но с идеальной осанкой и плавными движениями, которые выдавали их с головой. Посол Волков шагнул им навстречу, протягивая руку.

— Добро пожаловать

Он не закончил.

Контейнер взорвался изнутри.

Клис вырвался наружу, разметав ржавые стенки в разные стороны. Он был размером с небольшой автомобиль — шесть конечностей, хитиновая броня, три пары глаз, которые вращались независимо друг от друга. И рот. Рот, который мог раскрываться на сто восемьдесят градусов, обнажая ряды острых пластин, созданных для перемалывания чего угодно — от костей до титана.

Первым умер охранник, стоявший ближе всех. Клис набросился на него, сомкнул челюсти на торсе и перекусил пополам. Кровь брызнула на пол, на дипломатов, на парадные мундиры.

— Огонь! — закричал кто-то.

Охранники открыли стрельбу. Плазменные заряды ударили в хитиновую броню Клиса, оставляя чёрные пятна, но не пробивая. Клис даже не замедлился. Он схватил второго охранника, оторвал ему руку с бластером и проглотил её вместе с оружием. Затем третьего. Четвёртого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.